

Ева Верлибер Де-Фаль

ДНИЩЕ

18+

Ева Де-Фаль

Днище

<https://litres.ru/74647117>

SelfPub; 2026

Аннотация

Днище — место, где один человек залёг на дно и повёл за собой других, укрывая их от жестокой реальности извне. Но из возведённого забытого рая оно превратилось в глубокую яму, где почти не разглядеть солнца; и современные потомки даже не замечают, как сходят с ума, продолжая поклоняться деревенскому старосте за его великодушие.

Женя Горемыкин, ученик местной школы, пребывает в сомнениях относительно написанной истории благочестивых деревенщин. Он не верит, что люди не замечают гнетущей атмосферы, окутывающей всю деревню, а также молчаливых теней с горящими глазами, мелькающих в тёмных углах.

Ева Верлибер Де-Фаль

Днище

Глава 1

Ева Верлибр Де-Фаль.

Автор

Днище.

Дым.

А в голове один дурман,

Все покрыто дымом.

Словно, я иду в туман

И не видно ничего,

Будто всё и есть ничто.

Так и есть, что прошлое

И что сейчас,

Всё покрыто дымом.

Мне страшно от того.

И куда бы я не шла,

Хоть вперед, да хоть назад,
Нет, ни проблеска свечи, фонаря или зари,
Все один ничтожный дым.

© Ева Де-Фаль Верлибр, 2023. «Записки Катерины.»

Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. – 1886г.

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.»

Днище

Глава 1

Там, где вода стоит.

На сегодняшний день деревушка под названием Днище вполне оправдывает своё имя. Она спряталась в самой глуши, в чаще леса, а может, и глубже — так далеко от дорог и людей, что даже птицы, залетевшие сюда случайно, торопились убраться восвояси. Воздух здесь был спёртым, пахло гнилью и застарелой болезнью; дома вросли в землю, как грибы-поганки, а люди двигались медленно, будто преодолевая сопротивление воды. Когда-то, впрочем, всё было иначе.

Много лет назад сюда, в самую глухомань, сбежал от собственного наследия княжич Михаил Ростиславович Лука-

вый. Он был странным монархом: добрым до глупости, ранимым до смешного. Дворцовые интриги наводили на него тоску, а придворные казались злыми, расчётливыми и двуличными. Всё, чего он хотел, — это простой жизни, и потому бежал на север, подальше от столичного блеска.

В Санкт-Петербурге у него осталась гулящая матушка и такой же гулящий младший брат. С самого рождения отец взял Михаила под своё крыло, воспитывая его как будущего военного и государственного деятеля, достойного носить титул князя. Матушке запрещено было сюсюкать со старшим, поэтому всю свою любовь она подарила младшему сыну — Александру, и тот, в свою очередь, вырос изнеженным и избалованным.

Ростислав понимал, что младшего уже не исправить, ведь в свои шестнадцать Александр уже имел дурную репутацию в высших кругах. Он не был способен выполнить даже пустяковое поручение, не попав в приключения и не проиграв кругленькую сумму в азартные игры. Как-то, раз Ростислав велел сыну посетить военный плац и оценить новое снаряжение — так Александр умудрился спойть среди белого дня весь личный состав. Михаила же он вырастил с огромным чувством ответственности и долга, поэтому был уверен, что старший сын вернётся, когда остынет. Он и не подозревал, что Михаил в это время по-настоящему залёг на Дно, ис-

крenne боясь быть найденным.

Но жизнь в одиночестве оказалась не такой простой, как он мечтал. Дома за него решали всё — когда есть, когда спать, даже когда думать, — и теперь Лукавый понятия не имел, что делать с этой свободой. Развлечений он знал только одно: раз в месяц выбирался в соседний городишко и напивался в местном кабаке, стараясь хоть немного почувствовать себя таким же свободным, как его брат.

В тот день кабак гудел. Дым от дешёвых свечей застилал глаза, пахло кислым пивом и грязными телами. Лукавыйпил молча, глядя в стену, пока дверь не распахнулась и в зал не влетела девушка.

Она ничего не видела перед собой: бежала сломя голову, прижимая к груди белый комочек. Комочек пищал, и Лукавый разглядел котёнка — крошечного, перепуганного, с болтающейся лапкой. Девушка врезалась прямо в него, едва не упала и только тогда подняла глаза.

— Простите! Вы не ушиблись?

Голос у неё был звонкий, почти птичий, и вся она была какая-то взъерошенная, стремительная. Светлые волосы выбились из-под платка, щёки горели от бега, а в огромных се-

рых глазах плескался страх. Лукавый засмотрелся.

— Со мной всё в порядке, — ответил он, поднимаясь. — А вот ваша кошка, кажется, пострадала.

Девушка вздрогнула, перевела взгляд на свою ношу и тут же побледнела.

— Это не моя кошка. То есть... Я её украла. Она украла рыбу, а я украла её. Господа Говорливые велели её утопить. — Она тараторила так быстро, что слова налезали друг на друга, и вдруг осеклась, осознав, кому и что говорит. — Прощу вас, не выдавайте меня, иначе нас утопят вместе.

Лукавый посмотрел на неё долгим взглядом. Ему вдруг стало очень легко и просто. Он снял с плеч свою накидку — дорогую, бархатную, с серебряным шитьём — и набросил девушке на плечи.

— Вот так. Теперь вас никто не увидит. Идите.

Девушка замерла, не в силах поверить. А потом улыбнулась — широко, забавно, немного нелепо, — и у Лукавого что-то дрогнуло в груди.

— Благодарю вас, — прошептала она и исчезла за дверью.

С того дня он ходил в город каждый день. Не замечал дороги, не чувствовал усталости — просто шёл и шёл через чащу, надеясь снова увидеть её. Иногда ему везло, иногда нет, но мысль об Анне — так её звали, он узнал у местных, — грела его лучше всякого огня.

И вот однажды, в один из вечеров, когда Лукавый по привычке забрёл в кабак, он увидел, как толстый краснолицый мужчина бьёт Анну по лицу. Она падала, пыталась закрыться, а он бил снова и снова, приговаривая что-то о краплёных картах и чужой вине. Михаил узнал городничего по лысому сальному затылку, который вечно мелькал рядом с Анной.

— Анатолий! — окликнул Лукавый, и голос его прозвучал так, что в кабаке мгновенно стихли все разговоры.

Говорливый обернулся и, узнав сына князя Ростислава, побледнел.

— Ваше высочество! Какими судьбами?

— Что ты делаешь с этой женщиной? — холодно произнёс Лукавый, подходя ближе.

Анатолий замялся, замахал руками, начал что-то лепетать

— мол, она во всём виновата, мол, вы же не знаете, что она натворила... Но Лукавый его не слушал. Он смотрел на Анну: она стояла у стены, прижимая руку к разбитой губе, и в глазах её были знакомые ему смирение и пустота.

— Ваше высочество, как давно вы в городе? Почему не предупредили? — спросил Анатолий вновь, стараясь заболтать княжича и тем самым избежать проблем.

— Извините мою грубость, я понятия не имел, что должен предупреждать кого-то о своём визите в город, — не без сарказма ответил Лукавый, одарив Говорливого притворной улыбкой.

— Ох, ну, что вы! Я неправильно выразился: мне хотелось сказать, что мы хотели предстать пред вами в лучшем свете и показать все достоинства поселения, а так мы не готовились и, боюсь, не успеем обойти все достопримечательности, — старался выкрутиться Говорливый, не сдерживая порывов нервного смеха.

— Не стоит так переживать: я гуляю по этим улицам уже несколько месяцев и за это время успел многое повидать. — Его высочество сел за столик напротив Анатолия, скрестив руки и положив ногу на ногу, он долго удерживал зрительный контакт, ловя каждый косой взгляд собеседника. От рас-

терянности Говорливый плюхнулся на стул, выпил рюмку и заикал.

— Сыграем, — произнёс Михаил, не сводя глаз с Анны.
— На неё.

— Но... — заикнулся Говорливый.

— Это не просьба.

Карты легли на стол. Лукавый играл плохо, почти наугад, но в тот вечер удача была на его стороне — или, может быть, сама судьба решила, что Анна должна быть свободна. Говорливый проиграл, долго бубнил что-то себе под нос, но ослушаться не посмел.

Анна ушла с Лукавым в тот же вечер.

В тот момент он и почувствовал, что впервые сделал собственный выбор, который, как ему казалось, был верным.

Через полгода они поженились, но жизнь, оторванная от цивилизации, очень скоро наскучила Анне. Она постоянно грустила по прислужницам в доме Говорливых, с которыми привыкла делить радости и печали. Михаил же был доволен их уединением, но наблюдать за тем, как тускнеет свет его

очей, было невыносимо, потому он выкупил у Говорливого часть прислуги, отдав за них сумму больше положенной. Но за одним неудобством последовало другое: содержать людей было негде, ведь они сами жили в небольшой тесной избушке, окружённой болотом.

Люди самостоятельно стали возводить себе дома из камней и палок и впервые вкусили ощущение своей собственности, свободы. Вначале они были растеряны: их господин сам готовит себе и убирает, никак не вмешивается в жизнь своих подданных. И постепенно рабы перестали чувствовать себя рабами, когда единственной их заботой стала забота о себе и своей семье.

Как бы Михаил ни желал оставаться безучастным, эти люди нуждались в лидере, и, конечно, тем, за кем они следовали, был он. В маленькой деревушке, возникшей внезапно, крестьяне подарили Лукавому непрощеный новый титул — староста.

Днище росло не по дням, а по часам, дороги возникали прямо на глазах, семьи пополнялись слишком часто, и Михаил не успел оглянуться, как число его почитателей возросло, а требования ненасытной жены росли вместе с ними. Анне было тесно в стенах их избушки, грустно оттого, что деревушка стояла поодаль, и бедность её удручала. Потому, же-

лая видеть на любимом лице только улыбку, он рискнул и возвёл в центре деревни целое поместье.

Конечно, такая трата ресурсов и известие о браке старшего сына не ускользнули от Ростислава Лукавого, и он бросил все силы и людей на поиски далеко заблудившегося ребёнка. С его связями и при неосторожности Михаила князь без труда вышел на Днище. Он был готов простить сыну неодобренный им брак, трату денег на кучку бесполезных холопов — лишь бы тот вернулся домой.

Появившись в деревне как гром среди ясного неба, Ростислав перепугал расхаживающих по улочкам холопов. Люди настороженно поглядывали на седого грозного мужчину в военном мундире, уверенно сидевшего в седле белоснежной лошади, а за ним шла вереница таких же величественных воинов. Мужчина смотрел лишь на колонны готического замка из серого камня, окружённого высоким забором, и мысленно усмехался, как нелепо были растрачены его деньги.

Через какое-то время он увидел две приближающиеся фигуры, в одной из которых узнал своего сына Михаила, а выходящая за ним женская фигурка с небольшим округлившимся животиком, как он догадался, скорее всего была его невесткой. Ему было любопытно, какая женщина, будучи рабыней, могла околдовать его сына, но, когда они встретились лицом

к лицу, Ростислава настигло глубокое разочарование. Личико у девушки было хитренькое, сама она — прыткая и болтливая, и, глядя на неё, на языке всё вертелось: «Знай своё место». Но то, с какой лаской поглядывал на неё Михаил, заставляло Ростислава оставить свои мысли при себе. Внутри он боялся, что за несколько лет сын успел слишком расслабиться, но неизменная твёрдость в глазах Михаила, когда он смотрел прямо на отца, успокаивала князя. Он убедился, что в его сыне остался стержень, который не прогнуть какой-то любовью.

Мужчины сидели в гостиной и буравили друг друга взглядами, словно высказывали претензии без слов. Только Аннушка, точно надоедливая мошка, лепетала им под ухо, рассказывая о детской кроватке, которую они ожидают из Франции.

— Возвращайся домой, — наконец нарушил тишину князь.

— Я дома, — отрезал Михаил.

Анна нервно засмеялась, дёргая мужа за рукав, и раздражённо зашептала ему сквозь зубы:

— Что за ерунду ты мелешь? — Она щипала мужа, про-

должая улыбаться свёкру во все зубы. — Конечно, мы должны вернуться в Петербург.

Михаил резко повернулся к жене и впервые нахмурился на неё, а потом аккуратно убрал её руку со своего плеча. Анна удивлённо захлопала глазками и вновь обвила руку супруга, но уже гораздо нежнее, и ласково запела:

— Ты же сам говорил мне, что, кроме тебя, отец не доверяет никому, так к чему подрывать его доверие? — Она положила острый подбородочек на плечо мужа и уткнулась носом ему в щёку, отчего Михаил улыбнулся и прикрыл глаза.

— Кхм... Кхм... — деликатно напомнил о своём присутствии Ростислав.

— Можешь оставить эту деревню как одно из наших имений и проводить здесь выходные вместе с женой, если так нравится, — скучающим тоном предложил князь, отпивая давно остывший чай.

— Ты не понимаешь, что меня не интересует политика?

Ростислав усмехнулся такому ответу и твёрдо поставил чашку обратно на кофейный столик.

— То, чем занимаешься здесь ты, — тоже своего рода политика, — сказал князь, сложив руки на коленях.

Михаил закатил глаза, теряя терпение от разговора, который не имел никакого смысла. Он лучше всех знал своего отца и понимал, что тот не поймёт: здесь, вдали от столичной жизни, всё проще, и именно так он желал провести свою жизнь. Конечно, Михаил не планировал строить поместье, становиться чьим-то старостой; ему было хорошо в тесной, ветхой и полузаброшенной избе вместе с Анной, но, даже если всё получилось иначе — это был его выбор.

— Не думаю, что у тебя много времени, отец, чтобы тратить его на пустые уговоры. Я уже дал свой ответ.

Анна покраснела от злости и принялась дёргать мужа за рукав, чтобы он ещё подумал; она ещё не понимала, что упрямством Михаил не уступал отцу, и впервые столкнулась с твёрдым «нет».

Ростислав медленно стал перебирать пальцами ткань на своём колене, морщины на его лице сделались глубже, взгляд — темнее, и на, и без того суровом лице не осталось ни капли бывшего желания прийти к компромиссу.

Ростислав медленно перебирал пальцами ткань на своём

колене; морщины на его лице сделались глубже, взгляд — темнее, и на, и без того суровом лице не осталось ни капли бывшего желания прийти к компромиссу.

— Сын мой, — произнёс князь, и на губах его проступила мягкая улыбка. Лицо мужчины вдруг разгладилось, но эта внезапная безмятежность напрягла Михаила. — Ты же понимаешь, что эти люди не принадлежат тебе, пока ты не станешь князем?

Он ожидал угроз, однако, к большому сожалению отца, Михаилу нужна была только Анна, и он искренне верил, что ему всё равно. Почему же, когда отец продолжил, невидимая сила сдавила ему грудь, перекрывая дыхание?

— Думаешь, после такой жизни они смогут вернуться к прежним помещикам? — спросил Ростислав, надавливая на то самое чувство ответственности сына, зерно которого он посадил в нём много лет назад.

В тот миг Михаил вспомнил день, когда выиграл свою Аннушку, и то, с какой силой Анатолий приложил хрупкую девушку к стене. Шрамы на теле некоторых деревенщин, купленных у Говорливого, их маленькие дети со счастливыми улыбками, ещё не познавшие сути этого мира, и то, с каким обожанием люди смотрят на него. Михаил застыл, сжал

кулаки и заскрипел зубами.

— Я так и думал, — сказал князь, после чего встал с дивана и поправил мундир. — Поездка сюда совсем меня истощила, а может, я стал слишком стар. Мне нужно отдохнуть, но на рассвете я вернусь.

Князь ещё раз оценил невестку с головы до ног, раздумывая, прощаться с ней или это будет лишним.

— Может, вам постелить у нас? — спросила Анна, отводя взгляд. Она спросила из вежливости и вовсе не горела желанием принимать столь высокомерных гостей, ни разу за всё это время не удостоивших её вниманием. — Комнат достаточно...

— Что, хватит на целый эшелон? — усмехнулся князь, кивая в окно, где за воротами на лошадях его всё ещё ждали солдаты.

Аннушка прикусила губу и спрятала лицо за чёлкой. В первый миг князь с удовлетворением отметил, что пристыдил невестку, и даже позволил себе мысленно похвалить себя за то, как ловко указал девчонке на её неспособность мыслить широко. Но он не видел, что, прячась за волосами, Анна была иной — такой, какой никому не показывалась: с раз-

дувшимися от раздражения ноздрями, приподнятой губой, звериным оскалом и взбешённым до предела взглядом. Но стоило ей поднять голову, лицо незаметно сглаживалось, глаза сужались в полумесяцы, а на щеках появлялись миловидные ямочки.

— Ох, вы правы, — сказала Анна и повела рукой в сторону выхода. — Тогда позвольте проводить?

Не дожидаясь ответа, девушка подплыла к свёкру и обвила его руку, смущая старика своей бесцеремонностью. Ростислав на мгновение опешил — он привык к чинопочтанию, а не к тому, чтобы его, словно под локоток, тащила к выходу беременная девица. Впрочем, он тут же мысленно одёрнул себя: что взять с простолюдинки? Князь не успел опомниться, как его беременная невестка на коротеньких ножках, резко помчалась вперёд.

Михаил остался в одиночестве, слушая тиканье часов, которое било по гудящей голове молоточком. Он не мог поверить, что позволил надавить на себя. Если бы он не послушался Анну, не появилось бы всех этих людей, всецело ему доверяющих; тогда бы он не знал о них, и они никогда не познали бы свободы. Если он станет князем, то сможет освободить их от рабского статуса, но тогда придётся пожертвовать собственными принципами и вновь застрять в той клетке.

Где-то далеко, в глубине поместья, хлопнула входная дверь — Анна, проводив отца, возвращалась. Но Михаил не слышал её шагов, погружённый в свою беду.

Михаил не выдержал. Он сорвался с дивана, опрокинул ногой столик и выбежал из дома через чёрный ход, на бегу срывая с себя кафтан.

Лукавый не знал, куда идёт, но, очутившись у знакомой одинокой избушки, окружённой болотом, почувствовал, как весь его гнев, бурлившие в крови, остыл. Упав на землю, он смотрел на своё отражение в водной глади и представлял, как они с Анной и их ребёнком коротают свои дни здесь — вдали от всех. Если бы ей тоже никто не был нужен, кроме него, всё было бы гораздо проще.

Михаил провёл ладонью по густым непослушным бровям, поднялся выше, к кудрявым волосам, скользнул пальцами по кривому носу, который когда-то сломал ему младший брат, по ямочке на собственном подбородке — и ему казалось, что это всё он, но в то же время отражение было ему совершенно незнакомо. Будто что-то в воде менялось и лепило из его лица нечто иное.

Мужчина помотал головой, потёр глаза и снова пригляделся. ««Усталость»», — сказал он себе. — «Просто уста-

лость и этот проклятый разговор. Ничего больше». Он почти убедил себя в этом, почти заставил себя поверить, что лицо в воде принадлежит ему. Но его отражение вдруг улыбнулось — само, без его воли — и медленно поплыло в сторону. Затем лицо размылось, и из воды вылезла чья-то рука, тянущаяся к нему. Михаил, побледнев от страха, отполз назад, и рука рассыпалась обратно в воду.

Желая убедиться, что он не сошёл с ума и не лишился рассудка из-за внезапного визита отца, Михаил медленно, с отчаянной надеждой на то, что всё ему лишь привиделось, мельком глянул в воду снова — и на этот раз вовсе не увидел своего лица. Вода стала опускаться прямо на глазах, будто кто-то выкачивал болото, и Михаил принялся оглядываться вокруг, но ничего не увидел. Что-то сверху капнуло на него, и он поднял глаза к небу, столкнувшись с водой, склонившейся над ним в форме женской фигуры.